В буфете аэропорта, где всегда суета, нервность, пассажиры отсчитывают минуты, пахнет борщом, который некогда есть, где официантки мечутся между столиками, где лётчики в кожаных куртках пьют возле стойки сметану из гранёных стаканов,— встретились два человека, которые не виделись много лет. Один из них сидел в компании молодых людей в клетчатых пиджаках за столиком возле окна, пил коньяк и ел заливную рыбу, густо приправляя её хреном. Другой пил чай, сидя за столом возле двери. Они оба заметили и узнали друг друга, но както ещё не решались подойти и поздороваться. Слишком долго они не виделись.

Потом тот, что пил чай, поднялся и, посмеиваясь издали, медленно пошёл к столику возле окна.

— Здравствуй, Величкин Толя,— негромко сказал он, останавливаясь в трёх шагах от столика.

Человек, которого назвали Величкиным Толей, повернулся вполоборота. Он был крупного роста, большеголовый, рыхлый, лет сорока пяти. Судя по его галстуку, значкам, приколотым к пиджаку, по пачке сигарет, лежавшей на столе, он летел из-за границы. Может быть, из Китая или Вьетнама. Увидев подошедшего, он сделал вид, что заметил его только сейчас, сию секунду.

— Галецкий? Аркадий? — спросил он, привстав, и вдруг порывисто, с некоторой театральностью вскинул руки.— Аркашка! Как ты здесь очутился?

— Что значит «очутился»? Я не очутился...

— Постой, постой! Ты сначала садись и выпей. Мы тут празднуем прибытие на родную землю. Ребята, познакомьтесь: это Галецкий, мой однокашник, мы вместе учились в институте физкультуры в Москве, лет примерно... сколько же?.. лет восемнадцать назад.

— Да говори уж — двадцать,— сказал Галецкий.— Двадцать годков как кончили.

— Ну, двадцать, двадцать пять — какая разница? Для этих молокососов всё это одинаковая древность. Называется: «до войны». Они тогда в песочек играли на Тверском бульваре. А мы уже гоняли в футболешник на первенство вузов... Вот этот Аркашка Галецкий стоял в голу сборной института, а я, представьте, играл на краю.

Кто-то из молодых людей недоверчиво хмыкнул.

— Когда ты играл на краю? — спросил Галецкий.

— Я? Конечно, играл. Только не в первой команде, а во второй. Ещё Петька Щипанов со мной играл, Проценко, Михей Белобородов... А где Михей сейчас?

— Не знаю.

— Говорят, здесь, в Сибири. Кто-то мне говорил.

— Не знаю. Я человек таёжный, ничего не знаю. Это вы, столичные деятели...

— Да мы, столичные деятели, тоже ничего не знаем. Всех разбросало. Я тут встретил как-то Соню Кудинову на курорте. Помнишь её? С внуками отдыхала. Она про Михея что-то рассказывала, но я уже забыл что.

Галецкий присел к столу. Он был худощав, с сутулой спиной, с обветренным, в жёстких морщинах, грубо загорелым

лицом старого спортсмена или охотника. Когда он улыбался, обнажались два ряда металлических зубов.

Долговязые молодые люди в клетчатых пиджаках оказались волейболистами. Они возвращались из месячной поездки в Китай. Величкин был у них руководителем. Нет, не тренером, а именно руководителем, то есть он руководил всеми, всей делегацией. Тренер скромно сидел в углу стола — щупловатый, смуглый, с чёрными галочьими глазами юноша по имени Марат. Спортсмены по очереди вставали, пожимали Галецкому руку и называли себя. Они делали это довольно небрежно. Галецкий не вызывал у них интереса, он казался им старым и провинциальным. Они сейчас же заговорили о чём-то своём, а Величкин и Галецкий начали вспоминать прошлое.

Величкин по временам прерывал воспоминания и вскрикивал возбуждённо:

— Позволь, в чём дело? Почему ты не пьёшь?

— Я уже выпил, Толя.

— Что ты выпил? Какую-то каплю!

Галецкий морщился, крутил головой и одновременно водил своей огромной красной рукой перед носом. Кожа на его руках была в ссадинах и царапинах, как у деревенского жителя, которому часто приходится иметь дело с дровами и топором, а концы пальцев были жёлтые от табака. В своём коротком пиджачке, в старых полинялых лыжных штанах он выглядел невзрачно рядом с толстым, солидным Величкиным. Но Галецкий не замечал этого. Наоборот, он всё время чему-то радостно улыбался, перебивал Величкина и с фамильярностью шлёпал его по толстой ноге:

— А ты, Толя, разжирел безобразно! Куда это годится?

Говорили они сбивчиво, торопясь, прерывая друг друга. Особенно спешил Галецкий. Самолёт на Москву должен был отлетать через тридцать пять минут, а в посёлок Чимжу, куда летел Галецкий, самолёт уходил ещё раньше.

Два человека не виделись двадцать лет. Они расстались юношами, а встретились поседевшими, помятыми жизнью мужчинами. Война, потери близких, рождения детей, годы труда, надежд, устройства дома, маленькие удачи, которые когда-то радовали, а сейчас забылись,— всё это они пережили порознь. Они стали совсем разными людьми. И жили за

тысячи километров друг от друга. И ничто их не связывало, кроме давнишних воспоминаний. Величкин пошёл по административной линии, работал в центральном совете крупного спортобщества, часто ездил за границу — был, одним словом, человеком начальственным, а Галецкий давно уже стал рядовым винтиком огромной физкультурной машины. Он работал преподавателем физкультуры в Чижминском лесном техникуме. Вот куда докатили его волны моря житейского. Ему очень нравилось жить в тайге. И своей работой он был доволен. А Величкину нравилось жить в столице и ездить по временам в разные страны. Они оба были, в общем, довольны.

Сейчас они пытались рассказать друг другу о том, как они прожили эти двадцать лет, и чего добились, и как они, в общем, довольны. Но разве можно рассказать жизнь?!

Разговор был бессмысленный. Они говорили о чём-то пустяковом, неглавном, вспоминали всякую чушь, перебирали в памяти людей давно забытых, ненужных, о которых оба не вспоминали годами и, не встретясь сейчас, не вспомнили бы ещё десять лет. Никто, кроме щупловатого тренера, не прислушивался к их разговору. Тренер смотрел на них пристальными круглыми, как у птицы, чёрными глазами и улыбался в душе. Итог жизни этих старых людей казался ему незавидным. Один стал чиновником, другой прозябал в глуши. Тренер был молод, честолюбив и наделён волей. Говорили, что он «далеко пойдёт».

Усмехаясь незаметно, уголком рта, тренер слушал, как Величкин рассказывает о своих поездках за границу: он объездил уже восемь стран. В некоторых странах бывал по три-четыре раза — даже надоело. Больше всего ему понравилась Швеция, очень дешёвая страна. Швеция не воевала полтораста лет. Если покупать шерстяные вещи, так только в Швеции. Вот уж действительно дешёвка так дешёвка! А в Италии...

— У нас, между прочим, тоже встречаются шведские вещи,— сказал Галецкий.— В Дудинку заходят шведские корабли, моряки продают барахлишко, а к нам это попадает по Енисею...

— А в Италии,— продолжал Величкин,— очень дешёвое вино. Вот, например, вермут «Чинзано», который в Чехословакии стоит пятьдесят крон...

— Толя, знаешь что? — перебил его Галецкий.— Я хочу познакомить тебя с моими ребятами, учениками. Ведь я, кроме общей физкультуры, веду занятия с футболистами — в порядке, так сказать, общественном. Вон два моих орла сидят...

— А сколько у нас времени? — спросил Величкин у тренера.

Тот взглянул на часы и сказал, что надо расплачиваться, времени осталось семнадцать минут. Волейболисты стали поспешно допивать пиво. Кто-то из них подозвал официантку. Молоденькая девушка с ярко накрашенными губами подбежала к столу, облокотилась на него голой до плеча крепкой белой рукой и начала что-то шептать и чиркать карандашом в блокноте.

Галецкий энергично жестикулировал, подзывая к столу двух своих учеников, которые всё ещё сидели возле двери и пили чай. На стульях рядом с ними лежали два туго набитых мешка. Ученики стояли в нерешительности, не зная, что делать с мешками.

— Тащите их сюда! — закричал Галецкий.

От возбуждения и нервности лицо его покрылось пóтом.

Два коренастых паренька, насупленные и побагровевшие от смущения, подтащили мешки к столу и встали рядом. Галецкий сказал, что в мешках находится двадцать пар футбольных бутс. Достали их с большим трудом. Из-за этих бутс они с ребятами мытарились в городе восемь дней, прожились до копейки, но зато своего добились. Не стыдно возвращаться в Чижму. Парни переминались с ноги на ногу и смотрели на волейболистов с немым мучительным интересом.

— А вот с этим толстым пожилым товарищем мы когда-то гоняли в футбол. Он, как видите, потерял форму,— Галецкий шутливо приосанился.— А я, кхе-кхе, ещё держусь.

— Да, да. Ты держишься,— проворчал Величкин, которому замечание Галецкого не очень-то понравилось.— Ну а что это за молодые люди, кому ты меня представляешь так торжественно?

— А это, Толечка, мои питомцы, игроки чижминской юношеской команды. Могу похвалиться: чемпионы края.

— Поздравляю. Это замечательно.

— Замечательно не замечательно, а всё же приятно. Не зря хлеб жуём. Верно, ребята? И могу ещё похвалиться,— продолжал Галецкий, разгорячась и торопясь всё высказать за оставшиеся минуты.— Слышали такого футболиста Ивана Краснюкова?

— Я не слышал,— сказал Величкин.

Тренер пожал плечами:

— И я нет.

— Неужели не слышали? — Галецкий смотрел на них огорчённо и с изумлением.— Ведь он сейчас у вас, в Москве... Краснюков Иван...

— Краснюков? Первый раз слышу,— сказал Величкин.

— Погодите,— сказал один из волейболистов.— По-моему, есть какой-то Краснюков в «Крыльях Советов». Только он в дубле играет.

— Верно, верно! Он в дубле пока что! — обрадованно воскликнул Галецкий.— Значит, вы знаете? Есть такой?

— Вроде есть...

— Так вот, они взяли его из Красноярска, а в Красноярск он попал в позапрошлом году из нашей Чижмы. Играл у меня целый год. Парень золотой. Вы увидите, он ещё в этом сезоне прогремит!

— Дай ему Бог,— сказал Величкин.— Хотя Москву удивить трудно. Сколько с нас, девушка?

Официантка всё ещё чиркала в блокноте. Волейболисты смущали её своими расспросами и комплиментами, которые они сыпали наперебой, щеголяя друг перед другом. Больше месяца они не видели русских девушек. Величкин расплатился за весь стол: он отдал семьдесят пять рублей и ещё пятерку на чай. Девушка не сразу поняла, что ей дают на чай, а когда поняла, то покраснела и почему-то прошептала:

— Пожалуйста.

Потом Галецкий заплатил четыре восемьдесят за себя и за двух своих питомцев.

— Будешь в Москве, Аркадий, прошу ко мне,— говорил Величкин.— Живу я на Фрунзенской набережной, в новом доме. Квартира у меня хорошая, большая, и Лужники рядом.

— Спасибо, может, и приеду на Спартакиаду. А ты бы ко мне погостить, а? Охота у нас отличная! А рыбы у нас!

— Ты не пропадай, Аркаша. Запиши свой адрес.

— Где записать-то?

— Да вот... Ну здесь хотя бы, на пачке сигарет.

— Толя, старик...

— Счастливо, дорогой! Рад был тебя увидеть.

Ученики уже понесли мешки с бутсами к выходу. Галецкий и Величкин долго трясли друг другу руки, обещали писать, не забывать, говорили, что хорошо бы как-нибудь встретиться всем вместе в Москве или где-нибудь на юге, вызвать Соню, Михея, Васю Проценко, если он жив-здоров. Потом Галецкий пожал руки волейболистам и тренеру, сделал ещё один общий прощальный жест и быстро зашагал к выходу. Держался он прямо, и походка у него была бодрая, молодецкая, и совсем бы он казался молодым человеком, если бы не торчавшие сзади из-под кепки седые клочковатые волосы.

Тренер взглянул на часы.

— Через пять минут нам пора, Анатолий Кузьмич,— сказал он.

Величкин сидел, задумавшись, и ковырял спичкой в зубах. Помолчав немного, он сказал:

— Вот этот самый Аркашка Галецкий всегда был неудачником. И в институте, и вообще. И чёрт его знает почему! — он вздохнул сочувственно.— Как-то не везёт ему всю жизнь... Помню, мы ухаживали за одной девчонкой вместе, он и я. Был такой период. Очень люто соперничали.

— Ну и чем кончилось? — спросил тренер.

— Это целая история. В конечном счёте я, кажется, победил.

Разговаривая, они встали из-за стола и пошли к выходу.

Впереди шли волейболисты в клетчатых пиджаках и ярко-голубых брюках. Все женщины, сидевшие за столиками, украдкой смотрели на этих высоченных парней.

Величкину хотелось, чтобы тренер проявил интерес к истории его соперничества с Галецким, стал бы его расспрашивать, и он бы вспомнил кое-какие подробности, которые приятно оживить в памяти, но тренер только сказал скучным голосом:

— Это здорово, Анатолий Кузьмич, что вы победили,— и, вдруг сделав два быстрых шага, догнал волейболистов и

заговорил с ними о волейбольных делах. Через две недели в Москве им предстояла встреча с командой Польши.

Величкин обиделся и нарочно отстал от волейболистов. Заложив руки за спину, он медленно шёл позади всех и смотрел то по сторонам, то в небо. Было ветрено, и пахло влажной после дождя осенней землёй. Величкин подумал о том, что в Москве он ещё застанет тёплые дни. Можно будет пожить на даче.

Треща мотором, низко пролетел маленький, щавелевого цвета, почтовый Ан-2. «Аркашка полетел в свою Чижму,— подумал Величкин.— И как он там живёт? Убей, не пойму...»

Величкин даже не спросил Галецкого, женат ли он и есть ли у него дети. Надо в следующий раз спросить. В какой следующий раз? Он вдруг понял, что следующего раза не будет. Никогда больше он не увидит Галецкого. Никогда в жизни.

В кабине почтового самолёта на откидных стульях сидели шесть человек: Галецкий со своими питомцами, молодая женщина, похожая на доктора или медсестру, державшая на коленях маленький чемоданчик, и два рабочих с леспромхоза в одинаковых тёмно-фиолетовых плащах. Один из рабочих читал растрёпанный «Огонёк», другой сидел бледный, нахохлясь, приготовившись к качке. Мотор ревел, разговаривать было трудно. И всё же Галецкий громко кричал, обращаясь к своим ребятам:

— Когда-то он был влюблён в мою жену! В Наталью Дмитриевну! А парень он очень хороший... Жаль только, жизнь у него сложилась как-то неудачно... Ведь он талантливый человек, а стал администратором...

Ученики Галецкого молча смотрели в окна. Им не казалось, что жизнь Величкина сложилась неудачно, но они и не завидовали ему. Нет, они были уверены, что им предстоит жизнь ещё более заманчивая и прекрасная. И они с жадностью смотрели вниз, как будто надеялись увидеть своё будущее там, внизу, где проплывало рыжее, бескрайнее, залитое прозрачным осенним солнцем таёжное редколесье. С высоты трёхсот метров каждое дерево было видно отчётливо и тайга была похожа на мох.